

БРАК И БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ В XIX В. (НА ПРИМЕРЕ Г. РЖЕВА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

*Т.Г. Леонтьева, Д.Д. Примако**

Семья, брак, развитие внутрисемейных отношений относятся к числу важнейших тематических направлений современной социальной истории. Как единодушно отмечают исследователи, семья представляет собой общественный институт, сохраняющий свою системообразующую значимость во все времена, хотя в различных культурах и в разные эпохи принимает несхожие формы и описывается в различных дискурсах. «Во всех обществах, какие известны историкам, они (семья, домовое сообщество. – *Т.Л., Д.П.*) встречаются в качестве неотъемлемых элементов, поскольку с ними связаны такие важнейшие функции, как природное и социально воспроизводство материальной жизни»¹. Уместно продолжить эту неоспоримую мысль: семья воспроизводит и религиозные, и духовно-нравственные традиции. Но в разных конфессиях и в различных культурах они сохраняются лишь при определённых социокультурных условиях.

Особенности формирования воззрений на брак и семью, механизм их сохранения и воспроизводства в конкретно-историческом *конфессиональном* пространстве недостаточно изучены современными историками. Начав изучать семью в 60-е гг. XX в., историки США, Великобритании, Франции, а вслед за ними и российские исследователи, увлеклись иными сюжетами. Только в 1990-е гг. институт семьи под влиянием интереса к национальной (народной) культуре стал предметом самостоятельного исследования. Хронологическим охватом и многослойностью сюжетов отличается двухтомный труд Б.Н. Миронова², но в соответствии с общим – культурно индифферентным – замыслом конфессиональный контекст социального пространства автором не учитывался.

Больше «повезло» старообрядческой семье. Интерес историков к изучению семейно-брачной сферы «раскольников» возник одновременно с актуализацией старообрядческой тематики. Работы Ю.В. Аргудяевой, И.П. Коровушкиной, К.Ю. Иванова, В.П. Фёдоровой посвящены изучению особенностей создания семей у старообрядцев, обрядовой стороне бракосочетаний, отношению к институтам брака и семьи с учётом особенностей двух направлений староверия – поповцев и беспоповцев³. Наибольшее внимание исследователей направлено на рас-

* Леонтьева Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Тверского государственного университета; Примако Диана Дмитриевна – аспирант кафедры отечественной истории Тверского государственного университета.

¹ Зоколл Т., Кошелева О., Шлюмбом Ю. Историческое изучение домохозяйства, семьи и родства // Семья, дом и узы родства в истории. – СПб., 2004. – С. 7.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб., 1999. – Т. 1–2.

³ Анапасёнок А.В. Старообрядчество Курского края в XVII – начале XX вв. – Курск, 2005; Иванов К.Ю. Методика реконструкции родословной крестьян-старообрядцев второй половины XIX – XX

смотрение брачно-семейной сферы беспоповцев как представителей наиболее крайних взглядов в старообрядчестве (например, труды Т.И. Дроновой, Е.С. Данилко и др.)⁴.

В данной статье рассматриваются *только* особенности заключения браков и брачного поведения старообрядцев поповщинского толка в XIX в. на примере г. Ржева Тверской губернии. На нынешней стадии исследования этой многомерной (и при том – малоизученной) темы «за скобками» остаются такие, безусловно, необходимые аспекты данной тематики, как брачный возраст, мотивация брака и соотношение мотивов вступления в него, проблема партнёрства/конфликтногенности под влиянием конфессионального фактора, статус супругов в новой (иноконфессиональной) семье, второбрачие и т. п. Представляется, что в процессе постижения всех тонкостей этой деликатной сферы выбранный сюжет является базовым.

В Тверской губернии в рассматриваемый период сформировалось уже несколько центров старообрядчества, крупнейшим из которых был город Ржев, где староверы селились с конца XVII в. Как свидетельствуют документы, к концу XIX в. они составляли уже более 70% населения этого небольшого городка⁵. Истари несколько старообрядческих священников отправляли службу в домах горожан, а затем в построенной часовне. Чуткие к колебаниям правительственной политики в отношении «раскола», они среди прочих добивались признания веры и особого положения. В 1810-х г. лидеры ржевской общины обратились с просьбой к правительству о полной независимости от официальной церкви (!), свободной деятельности «своих» священников⁶, что, впрочем, обернулось арестом старообрядческих попов и закрытием часовни⁷. Следует заметить, что столь жёсткие меры не повлекли сокращения численности адептов древлеправославия. Более того, после утверждения правил 1822 г., согласно которым старообрядцы могли принимать беглых священников, а последние – вести метрики и представлять их гражданскому начальству, в Ржеве появился «дозволенный» священник В.С. Симонов, и был построен молитвенный дом⁸.

В конце 1830 – начале 1840-х гг. в Ржеве были открыты единоверческие церкви и общины, которым удалось «отвоевать» здание молитвенного дома у старообрядцев⁹. Перечисленные события как нельзя лучше способствовали росту «раскольничьих» настроений, и к концу 1850-х гг. богомольцев старого обряда здесь

в. (Постановка проблемы) // Старообрядчество: История, культура, современность : тез. науч. конф. – М., 1996. – Вып. 5. – С. 109–111; Иванов К.Ю. Отношение старообрядцев Томской епархии к семье и браку в конце XIX – начале XX в. // Современные проблемы гуманитарных дисциплин. – Кемерово, 1996. – Вып. 1. – С. 47–52; Коровушкина И.П. Отношение к браку, супружеству, семейному статусу женщины у старообрядцев-беспоповцев Москвы и Петербурга (1750 – 1850-е гг.) // Социальная история. – М., 1999. – С. 217–240; Фёдорова В.П. Свадьба на Ирюме. – Челябинск, 1991.

⁴ Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. – Уфа, 2002; Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы: Конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – XX вв.). – Сыктывкар, 2002.

⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). – Ф. 644. – Оп. 1. – Д. 432. – Л. 1.

⁶ Скворцов Д.И. Очерки тверского раскола и сектантства. – М., 1895. – С. 62.

⁷ Там же. – С. 63–64.

⁸ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 6396; Д. 6553.

⁹ Тверской епархиальный статистический сборник / Сост. К. Добровольский. – Тверь, 1901. – С. 600–601; Виноградов И.А. Об отобрании в ржевских раскольников молитвенного дома для Единоверческой церкви в 1857 году // Журнал заседаний Тверской учёной архивной комиссии. – Тверь, 1900. – № 74

обнаружилось более шести тысяч¹⁰. Однако ржевские православные священники «подсказывают» из глубины веков, что эти данные явно занижены. Из их письменных заявлений следует: случись, что старообрядчество станет независимости от официальной церкви, «... то из существующих ныне 11-ти приходов едва ли останется домов и числа душ для составления одного или двух приходов»¹¹. Таким образом, очевидно, что вопреки правительственной политике¹², староверы в Ржеве и Ржевском уезде не только численно преобладали, но и были весьма заметны в повседневной жизни. Не удивительно, что их присутствие в городском пространстве сказалось (среди прочего) и на матримониальных взаимосвязях ржевитян.

В столь тесном мире, каковым был любой провинциальный российский город, избежать нежелательных браков между представителями разных этнических или конфессиональных ориентаций было попросту невозможно. Проблема брака, в свою очередь, продолжалась в определении статуса рождённых детей. Неопределённость или категоричность официального законодательства в данной сфере оборачивалась попытками обойти его и, например, зарегистрировать (а точнее, зафиксировать) брак в старообрядческой церкви. Однако в российской правовой практике до середины XIX в. подобные брачные союзы признавались нелегитимными. Старообрядцы, в том числе и ржевитяне, неоднократно в течение XIX в. составляли прошения к представителям местной и центральной власти, отстаивая идею независимости от официальной церкви и добиваясь среди прочего разрешения вести особые метрические книги, что подразумевало и большую свободу брачного поведения¹³. Отчасти их прошения удовлетворялись: так в 1822 г. были изданы «секретные» правила «О полах и молитвенных домах старообрядцев»¹⁴, действовавшие до начала царствования Николая I, а затем в 1874 г. были установлены официальные метрические книги для старообрядцев, которые велись в полицейских управлениях.

Однако, реальная сила этих законов, равно как и запретительных актов (особенно 1825–1855 гг.¹⁵) далеко не всегда находила применение на практике. Старообрядцы могли тайно венчаться у «своих» священников и до выхода закона 1822 г., таким же образом они смогли легализовать заключение браков и положение своих семей. Запретительная политика, карательные меры не устрашали старообрядческих священников, и они продолжали свою противозаконную деятельность даже после вступления на престол императора Николая I, ужесточившего надзор за «раскольниками».

Попытку государства по введению «полицейских» метрических книг для староверов в 1874 г. некоторые исследователи называют провальной, т. к. в подавляющем большинстве случаев эти записи игнорировались «ревнителями древнего благочестия»¹⁶. Их истинное отношение к данной проблеме отчетливо сформули-

¹⁰ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 6553. – Л. 35.

¹¹ Цит. по: Сквицков Д.И. Указ. соч. – С. 63.

¹² В 1834 г. по инициативе московского генерал-губернатора Д.В. Голицына начался разгром Преображенского и Рогожского кладбищ, которые рассматривались как оплот старообрядчества. См.: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. – М., 2006. – С. 454.

¹³ Сквицков Д.И. Указ. соч. – С. 62; ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 5673, 6307, 6308, 6309, 6315, 6327, 6330, 6345, 6417, 6421, 6426, 6439, 6505, 6713, 6772.

¹⁴ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 6396. – Л. 4.

¹⁵ См. подробнее: Зеньковский С.А. Указ. соч. – С. 449–455.

¹⁶ Анапасёнок А.В. Указ. соч. – С. 49.

ровано в одном из документов: «Закон 1874 г. о записях при полиции невыполним, во-первых, уже потому, что слово “полиция” отталкивает каждого из нас по духовным делам иметь с ней дело: веками наложенный ею на старообрядцев страх в преследованиях нашей веры не скоро изгладится из нашей памяти»¹⁷. Действительно, уровень подозрительности и настороженности староверов к любой попытке контроля и вмешательства во внутреннюю жизнь со стороны государства был велик. Ржевитяне также были научены горьким опытом «общения» с властями.

Таким образом, государству оказывалось не под силу поставить регулирование брачных отношений в старообрядческом сообществе под свой контроль по законодательству. Причины этого следует видеть в проведении жёсткой, бескомпромиссной политики (несмотря на некоторые послабления во второй половине XIX в.), обусловленной невозможностью признания старообрядцев и старообрядческой иерархии, в ином случае положение Православной Российской Церкви оказалось бы очевидно двусмысленным¹⁸.

Особенности исторического развития и внутренняя неоднородность старообрядчества стали причиной формирования в среде его носителей собственного отношения к вопросу о браке. Главные разногласия возникли между представителями двух основных направлений старообрядчества – поповским и беспоповским. Каждое из них, попытавшись решить основное противоречие между необходимостью соблюдения всех религиозных предписаний, с одной стороны, и традиционных бытовых норм, с другой, пришли к различным выводам. Поповцы признали брак, сохранив первоначальные понятия о семейно-брачных отношениях, господствовавшие в обществе XVII в. Беспоповцы, отвергая возможность возобновления института священства, пришли к выводу о невозможности заключения законного брака, признав только таинства крещения и покаяния, которые могут совершаться и мирянами¹⁹. В данном случае наиболее важными представляются взгляды на брачные отношения поповцев, т. к. абсолютное большинство старообрядцев города Ржева исповедовало свою веру именно в этом варианте.

Одна из основных сложностей для старообрядцев состояла в выборе брачного партнёра. Идеальным, естественно, считался брак между равными по конфессиональной принадлежности, социальному положению и возрасту. Тем более что представители верховной власти (порой вопреки устремлениям ретивых местных начальников) «попустительствовали раскольникам» и не препятствовали исполнению обрядов (крещений, браков, похорон) по веками установившимся обычаям²⁰. Однако, ограниченность жизненного пространства значительно сужала круг брачных связей даже в местах компактного проживания старообрядцев. Им неизбежно приходилось сосуществовать и взаимодействовать с «иноверцами» и собратьями по вере, но из других согласий. Город Ржев не являлся исключением, здесь также остро стояла проблема заключения брачных союзов, а в её орбиту оказались втянутыми старообрядцы-поповцы и православные.

Официальная церковь всеми способами препятствовала совершению подобных межконфессиональных браков, так как к середине XIX в. очевидным стал тот факт, что «если православный женится на раскольнице или раскольник на право-

¹⁷ *Апанасёнок А.В.* Указ. соч. – С. 49.

¹⁸ *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М., 2002. – С. 264.

¹⁹ *Нильский И.Ф.* Семейная жизнь в русском расколе. – СПб., 1869. – С. 18.

²⁰ *Зеньковский С.А.* Указ. соч. – С. 449.

славной по каким бы то видам и отношениям, то уже непременно по влиянию родных раскольника, православный будет обращен в раскол»²¹. Как отмечают исследователи, старообрядцы со своей стороны также пытались установить определённые поведенческие границы, позволявшие сохранить индивидуальное благочестие при контактах с иноверцами²².

Однако в Ржеве, например, «смешанные браки» были весьма распространены, они терпимо принимались в старообрядческой среде, тем более что в большинстве случаев православные обращались в староверие²³. В связи с заключением таких браков постоянно возникали судебные расследования. Например, из донесения архиепископа Тверского Григория местному губернатору в 1835 г. следует: «... усердного к православной церкви ржевского умершего мещанина Логгина Ивашева дочь Анна, будучи девицею, ходила в святую православную церковь и была столь ревностна, что почти каждодневно находилась при богослужении и у приходского... священника каждогодно исповедовалась. Но года два, поступив в замужество в раскольническое семейство, ... и быв повенчана в часовне раскольническим попом с раскольником ржевского купца Андрея Образцова сыном Арсением, совершенно ныне отвращена от православной церкви и отдалена от хождения к церковному богослужению и от исполнения христианских таинств»²⁴. Впрочем, иные православные священники лояльно относились к соседству старообрядцев (считая, что «сектаторы люди даже полезные, а вся беда происходит от немцев»²⁵) и попросту отмахивались от подобных проблем.

В этом смысле интересен ещё один документ, датированный 1854 г., также адресованный губернатору. В нём речь идёт о браке между православным горожанином и «раскольницей»: «... мещанский сын Иван Иванов Еремеев, значущийся по исповедным ведомостям холостый, сего 1854 г. ... повенчан, неизвестно кем и где, с девицей Евдокией Ваулиной, дочерью мещанина Тихона Иванова Ваулина, коего все семейство состоит в расколе»²⁶. Далее в тексте документа отмечена немаловажная деталь: брак состоялся без благословения родителей девушки, старообрядцев. Е.Т. Ваулина при производстве следствия показала: «... по собственной своей воле против желания отца и матери вышла я замуж за ржевского мещанина Ивана Иванова Еремеева; брак наш совершен был в январе месяце, не упомяну какого числа, в доме мужа моего неизвестным проезжим священником, причем посторонних никого не было ...»²⁷. Греховность поступка молодых людей очевидна с точки зрения морали и базовых ценностей любой конфессии²⁸, однако любовное влечение оказалось гораздо сильнее. К сожалению, документ умалчивает, чем же закончилась эта история.

²¹ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 6553. – Л. 33.

²² *Островский А.Б.* Старообрядцы и православные в русском сельском социуме XX в. (поведенческие стратегии взаимодействия) // *Этнографическое обозрение*. – 2005. – № 6. – С. 85.

²³ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 5831, 5835, 6070, 6192, 6586, 6588, 6722.

²⁴ Там же. – Д. 5831. – Л. 1.

²⁵ Цит. по: *Фишман О.М.* Лидер в крестьянской старообрядческой общине: История и современность // *Мужской сборник*. – М., 2001. – Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре. – С. 119.

²⁶ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 6586. – Л. 2.

²⁷ Там же. – Л. 12.

²⁸ Согласно российскому законодательству (см.: *Свод Законов Российской империи*. 1857. – Т. 10. – Ч. 1. – С. 2. – Ст. 6, 8), православные, вступившие в брак без согласия родителей, подлежали церковному суду. См.: *Леценко В.Ю.* Семья и русское православие (XI–XIX). – СПб., 1999. – С. 81.

Иное отношение к браку с православным демонстрирует жительница Ржева, старообрядка А.С. Балобанова. Обращаясь к властям города, она просила выдать ей свидетельство о принадлежности к старообрядческой вере: «... а если не получит просимого свидетельства, то должна остаться вечно девицей совершенно без всяких средств к пропитанию и при том беззащитной, ибо из раскольников, как за бедную круглую сироту, никто за нее не сватается, а за православного выйти замуж не может, будучи крещенной в молитвенном доме и во всю жизнь свою исполнявшую в оном обряды христиански»²⁹. Именно здесь уместно было бы озадачиться выявлением столь устойчивого стремления женщин-староверок к браку. Непонимание родителей, несчастная любовь, перспектива «остаться вечно девицей» не подталкивали их к «уходу от мира», как зачастую православных, хотя со временем поблизости появился даже женский старообрядческий скит, называвшийся современниками по имени игуменьи Андры (Анны Васильевны Муравьевой). В ските жили инокини и келейницы, которые занимались «чтением псалтирей и канонов, пением всенощных, вечерен и часов»³⁰.

Таким образом, в старообрядческой общине Ржева обнаруживается устойчивое стремление к браку, а потенциальными брачными партнерами становились не только представители «своего» конфессионального пространства, но и соседствующие православные мужчины и женщины. Между тем, однозначно принятых оценок подобного брачного поведения в старообрядческой среде не обнаруживается. Выявленные на сегодняшний день документы показывают, что решение порой принималось не на групповом (семейном), а на индивидуальном уровне: наиболее истые в вере старообрядцы не желали родниться с «чужими» и запрещали своим детям нарушать сложившиеся традиции. Для других религия, как некая символическая ценность, не становилась препятствием на пути к браку. Как показывает случай с Е.Т. Ваулиной и И.И. Еремеевым, дети могли принимать решение и вопреки воле родителей.

Другой аспект выбора брачного партнера, имевший значение, – это сословное и имущественное положение потенциальных супругов. Традиционно общение молодежи допускалось лишь в рамках своей социальной среды. Анализ сведений документов и метрических книг позволяет сопоставить результативность брачного выбора старообрядцев и православных, характерного для дореформенного периода (последующий не отражен в сохранившихся метриках старообрядческих общин). Оказалось, что православные купцы и мещане предпочитали жениться на избранницах из своих сословий (75% и 84,4% соответственно), а для старообрядцев социальное положение невесты было не столь важным³¹. В 1838 г., например, все ржевские купцы-старообрядцы выбрали в жены дочерей мещан³². По всей видимости, в этом также отразилась узость брачного выбора для старообрядцев. С другой стороны, следует отметить более тесные межсословные связи внутри старообрядческой общины, в укреплении которых брак играл немаловажную роль, сплачивая членов религиозной группы в целом.

Процедура регистрации брака в старообрядческом мире была многовариантной. Наиболее предпочтительным считалось совершение таинства венчания в мо-

²⁹ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 6588. – Л. 2 об.

³⁰ Там же. – Ф. 644. – Оп. 1. – Д. 432. – Л. 6.

³¹ Там же. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 5911; Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 21256.

³² Там же. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 21256. – Л. 21 об–23 об.

ленных домах. Можно было оформить брак по всем требованиям российского законодательства и обвенчаться в православной или единоверческой церкви с обязательным переходом жениха и/или невесты из «раскола» в православие (единоверие). Наконец, находились смельчаки, готовые начать совместную супружескую жизнь без совершения таинства венчания старообрядческим священником и тем более православным. Следует подробнее остановиться на двух крайних формах: первой – как наиболее желаемой и распространённой среди последователей старой веры, но запрещённой законом, и последней – как выражении наиболее необычного поведения старообрядцев.

Как уже отмечалось, браки, заключённые в старообрядческих моленных (предпочтительные для старообрядцев), запрещались действующим законодательством, а выявленные после «нелегальных» таинств считались недействительными. В связи с этим нередко возникали следственные дела. Так, в 1835 г. уже упомянутый ранее купец А.А. Образцов женился на мещанке А.Л. Ивашевой: «Старообрядческий поп показал, что означенная Ивашева, принадлежащая к православному исповеданию, действительно была повенчана им с записным раскольником Образцовым по обоюдному их желанию и с согласия родителей и родственников, которые в законности лет брачившихся удостоверили своими подписями под обысками»³³. Когда дело доходило до судебных разбирательств, то молодожёнов чаще всего склоняли к перемене веры, иногда подвергали их тюремному заключению. Старообрядческие священники, совершавшие сомнительные венчания, во всех случаях попадали под усиленный контроль.

О частоте другой формы брака (супружеской жизни без совершения таинства венчания) судить достаточно сложно, однако время от времени такие пары также оказывались в поле зрения блюстителей народной нравственности. Так, в 1850-е гг. в ржевском городническом правлении разбирались три так называемых «дела о незаконном сожитии». Купеческий сын И.С. Долгополов на следствии поведал о своём браке: «В минувшем 1856 г. в январе месяце, по благословлению родной матери моей Анны Козминой, взял за себя замуж дочь ржевской мещанки Любовь Яковлевой Берсеновой, Александру, с которой теперь живу как с женой. 22 минувшего ноября прошлого 1856 г. у меня родилась дочь, Екатерина, ...»³⁴. Однако, в дальнейшем он вдруг опроверг свои первые показания, заявив, что он с женой был обвенчан проезжавшим священником³⁵. Следует подчеркнуть, что такую линию поведения демонстрировали и другие подсудимые. Однако вопреки их настояниям и упорству эти сомнительные браки приходилось расторгать.

В данный момент установить истинные мотивы столь непоследовательных действий старообрядцев не представляется возможным. Однако с определённой долей условности можно допустить, что заключение браков без венчального обряда можно рассматривать как альтернативу традиции и обозначение контуров новой модели брачного поведения. Это предположение подкрепляется рассмотренными выше примерами, свидетельствующими и о значительном упрощении процедуры бракосочетания в старообрядческой среде: отсутствием свидетелей, в первую очередь родственников, и, следовательно, их благословления на брак, незначительным вниманием к составлению брачных обысков. Исследователи отмечают

³³ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 5831. – Л. 6.

³⁴ Там же. – Ф. 457. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 7–7 об.

³⁵ Там же. – Л. 112 об.

несложность обрядовых форм старообрядческого брачного ритуала, сдержанность фольклорного фона³⁶.

Таким образом, даже на микроуровне (на примере г. Ржева Тверской губернии) можно заметить, что граница между каноном и реальной матримониальной практикой была чрезвычайно тонка. Остаётся определить, были ли выявленные отклонения «от нормы» единичными, нетипичными для старообрядческого сообщества, или они знаменовали наличие новой траектории брачного поведения. Ясно, для решения подобной задачи требуется выход за рамки микроанализа и сопоставление данных по нескольким сопредельным регионам.

³⁶ Дронова Т.И. Указ. соч. – С. 187.